

Ю. С. НИКИФОРОВ

КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И КОНФЛИКТЫ В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ

Статья посвящена коммуникативному уровню культуры российского историка. Автор анализирует коммуникацию внутри исторического сообщества и особенности взаимодействия историков с чиновниками и студентами в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: культура, коммуникация, сообщество историков, конфликт, письмо, «русская историческая школа», П.Г. Виноградов, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, И.В. Луцицкий, М.С. Корелин.

Питер Берк с долей иронии замечал, что «мы на пути к культурной истории всего на свете: снов, еды, эмоций, путешествий, памяти, жестов, юмора, экзаменов и т.д.»¹. Перспективными представляются и исследования, связанные с изучением интеллектуальной культуры, в том числе анализ «механизмов функционирования интеллектуальных сообществ разных типов в отдельных сегментах культурного пространства»². В связи с этим теоретически корректным кажется выделение особого феномена *культуры историка*, которую можно определить как «систему компетенций, ценностей и представлений, способов научно-педагогической деятельности и взаимодействия внутри исторического сообщества», включающей в себя исследовательский, педагогический и коммуникативный уровни»³. Наиболее интересным для изучения представляется *коммуникативный уровень культуры историка*.

Важно отметить, что последние годы отмечены появлением ряда ярких исследований, посвященных особенностям коммуникации и функционирования российского сообщества историков: коммуникативному полю современной исторической науки, формированию ученого историка начала XX века, поколенческой идентичности историков конца XIX века, моделям историографического исследования, сетевому анализу интеллектуального сообщества, карьере профессора в провинциальном университете первой половины XIX века, межличностным коммуникациям советских историков, выдающимся региональным ис-

¹ Берк. 2005.

² Ретина. 2011. С. 5.

³ Никифоров. 2010. С. 19.

торикам⁴. Стоит выделить работы о диссертационной культуре, межличностных коммуникациях в региональной профессиональной корпорации, коммуникативном пространстве отечественной исторической науки, поколениях в сообществе российских историков, опубликованные на страницах специального выпуска «Диалога со временем», посвященного европейской интеллектуальной культуре и ученым сообществам Нового времени, в том числе университетской культуре России⁵. Анализ научных коммуникаций историков особенно рельефно представлен в публикациях Н.Н. Алеврас, В.П. Корзун, М.А. Мамонтовой, М.П. Мохначевой, Т.Н. Поповой⁶.

Ярким проявлением коммуникативной культуры историка является многообразная деятельность представителей «русской исторической школы» или «русской школы» историков («*école russe*»). Среди крупнейших ее представителей выделяются П.Г. Виноградов, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, М.С. Корелин, И.В. Лучицкий⁷.

В советской историографии научно-педагогическим и общественно-политическим взглядам историков «русской школы» было уделено немало внимания⁸. Из крупных работ 1980-х гг. отметим фундаментальные монографии В.П. Золотарева и Г.П. Мягкова⁹. В конце 1990-х гг. жизнь и творчество историков «русской школы» получили новое прочтение в трудах С.Н. Погодина и Г.П. Мягкова¹⁰. В работе С.Н. Погодина были представлены неизвестные биографические страницы из жизни Кареева, Ковалевского и Лучицкого, их взгляды на проблемы истории и философии. Монографию Г.П. Мягкова отличает высокий уровень анализа коммуникативных аспектов «русской школы» историков. Заметный вклад в изучение отдельных представителей «русской исторической школы» внесли работы Л.Г. Моисеенковой и О.В. Бодрова. В фундаментальной монографии Л.Г. Моисеенковой подробно рассмотрены основные вехи жизненного и творческого пути П.Г. Виноградова – видного

⁴ См., к примеру: Корзун, Рыженко. 2011; Гришина. 2012; Серых. 2011; Мягков. 2011; Беляева. 2011; Колесник. 2008; Костина. 2007; Сидорова. 2008; Кузнецов, Григорьева. 2012.

⁵ Алеврас, Гришина. 2011; Бушуева. 2011; Мамонтова. 2011; Серых. 2011.

⁶ Мохначева. 1999; 2002; 2005; Корзун. 2012; Корзун, Мамонтова, Коновалова. 2011; Корзун, Рыженко. 2011; Корзун, Бернгардт. 2013; Корзун, Колеватов. 2010; Алеврас, Гришина. 2008; 2011; 2014; Алеврас. 2012; Попова. 2007; 2012; 2013; Мамонтова. 2001; 2002; 2011; Мамонтова, Корзун. 2005.

⁷ Мягков. 2000.

⁸ См., к примеру: Зезегова. 2008.

⁹ Золотарев. 1988; Мягков. 1988.

¹⁰ Погодин. 1997; Мягков. 2000.

ученого-медиевиста «русской школы». Монографию О.В. Бодрова отличает глубокий анализ творчества М.М. Ковалевского как историка-англоведа¹¹. Методологические взгляды историков «русской школы» рассматривались и в обобщающих историографических работах¹². Таким образом, творчество ученых «русской исторической школы», привлекало значительное внимание исследователей. В то же время изучение этого вопроса проходило преимущественно или с историографических позиций, или в плане анализа теоретико-методологических взглядов, а культурно-исторический аспект находился несколько в стороне.

Прежде чем говорить о конкретных аспектах коммуникативной культуры историков «русской школы», важно определить само понятие *коммуникативная культура историка*. Под этим термином понимается «совокупность ценностных отношений ученых-историков с коллегами, студентами и слушателями, руководством и представителями общественности в процессе официального и неформального, непосредственного и опосредованного взаимодействия на уровне университета и других коммуникативных каналов»¹³. Исходя из указанного определения и руководствуясь логикой научного исследования, далее будет предпринята попытка рассмотреть некоторые составляющие коммуникативной культуры историка: во-первых, взаимодействие внутри исторического сообщества; во-вторых, особенности взаимодействия историков с университетской администрацией и министерскими чиновниками.

Для понимания коммуникативной культуры историка, в первую очередь, представим *аксиологическую характеристику значения общения* в жизни историка. Показательным в смысле реконструкции роли общения для историка является письмо Н.И. Кареева к М.С. Корелину из Варшавы в Москву от 30 сентября 1884 г. В этом письме Н.И. Кареев жаловался на дефицит общения, который он периодически испытывал во время своего пребывания в Варшаве и тяжело переносил: «Одно только печально: приходится вести изолированную жизнь. Не с кем видаться, не у кого бывать, некого принимать у себя. Кое-кто из знакомых людей есть, но все домоседы, нелюдимы»¹⁴. В Польше, вне привычного круга общения, Н.И. Кареев чувствовал, что его «широкая российская натура» заключена в жесткие рамки формальных отношений с коллегами, которые он характеризовал как «довольно кисло-сладкие». Тяжело

¹¹ Моисеенкова. 2000; Бодров. 2006.

¹² См., к примеру: Репина, Зверева, Парамонова. 2004; Соколов. 2007.

¹³ Никифоров. 2010. С. 19.

¹⁴ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.

приходилось в Польше и жене Н.И. Кареева Софье Андреевне: «Жена читает, играет на рояле, еще меньше меня видит людей». «Спасением» для четы Кареевых были, по словам историка, театр и ежедневные прогулки¹⁵. Несколько с более утилитарной стороны, значимость коммуникативной стороны в деятельности историка обрисовал В.А. Вагнер, характеризуя другого историка «русской школы» – М.М. Ковалевского: «Ему хотелось видеть всех сотрудничающими и помогающими друг другу выполнять обязанности и научные задачи»¹⁶.

Обратимся к *формальной стороне взаимодействия внутри исторического сообщества*. Главным коммуникативным центром профессиональной группы историков был, конечно же, университет¹⁷. По словам М.М. Ковалевского, *университет*, являлся «центром всех интересов»¹⁸ и нередко *влият на стиль взаимоотношений историков*. В Московском университете, по воспоминаниям Ковалевского, «самой отрадней стороной жизни» было отсутствие «всякой розни» с товарищами по преподаванию, а «мимолетные трения» (на университетских диспутах, факультетских заседаниях) не портили отношений¹⁹. В Санкт-Петербурге, по мнению Ковалевского, общение с профессорами разных факультетов было менее «деятельное», чем в Москве²⁰. В Варшаве, где Н.И. Кареев был профессором в начале 1880-х гг., взаимоотношения профессоров были не столь идиллическими, что объяснялось межнациональной рознью с поляками: «некоторые русские профессора не здоровались с польскими из других факультетов»²¹. Кареев подчеркивал, что был «врагом национальной исключительности, розни и квасного патриотизма»²². Профессорские нравы в Варшаве он характеризовал как странные. Нормой были взаимные колкости в товарищеских отношениях (остроты профессора Ришави над коллегами на тему машинок для обрезания языков, особого прибора мерзавцемера и др.)²³. Сходная ситуация была в 1870-е гг. в Киеве, где преподавал И.В. Лучицкий. По словам его жены, в университете «шла ожесточенная борьба» между старшим поколением профессоров (немецкая партия) и младшим (русская партия),

¹⁵ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 50. Л. 1-2.

¹⁶ М.М. Ковалевский. Ученый... 1917. С. 99.

¹⁷ О роли университета в жизни ученого и общества см.: *Посохов*. 2011; *Носков*. 1999.

¹⁸ *Ковалевский*. 2005. С. 207.

¹⁹ Там же. С. 232.

²⁰ Там же. С. 207.

²¹ *Кареев*. 1990. С. 163.

²² Там же. С. 171.

²³ Там же. С. 168.

к которой принадлежал Лучицкий²⁴. Судя по некоторым письмам историка, в университетской жизни Н.И. Кареева в Варшаве было мало приятного. В письме к М.С. Корелину он сообщал об «избирательной горячке» в университете (деканские выборы) и формальном характере голосования, которое вызывало резкое неприятие историка: «На нашем факультете и декан, и секретарь останутся прежние... мой голос влияния на выборы иметь не может, ибо это голос единичный. Я могу, зажмуривши глаза, бросать шары и туда и сюда»²⁵.

Близкий контакт историков налаживался под влиянием участия в общих мероприятиях профессионального характера. Благодаря общению на семинаре В.И. Герье сформировались не только научные интересы, но и личные контакты Н.И. Кареева и П.Г. Виноградова. Кареев отмечал, что после вечернего семинария у Герье они вместе «заходили в ресторан закусить и побеседовать»²⁶. Но университет не был единственным местом коммуникации ученого сообщества историков. Подобную роль выполняли также *неформальные кружки историков, журфуксы*. Дом М.М. Ковалевского в Москве был культурным центром, в котором историк принимал по четвергам большой круг знакомых. Участниками были люди разные и по профессиональному статусу, и по характеру: «Были здесь и ласковый Чупров, и грубоватый Янжул»²⁷. Постоянными посетителями были профессора, журналисты, иностранные ученые, путешественники, общественные деятели, писатели, и художники²⁸. Длительному пребыванию способствовала теплая атмосфера, которую создавал Ковалевский: «Умел поставить на обсуждение интересную научную или политическую тему»²⁹. Н.И. Кареев в силу более скромных (в сравнении с Ковалевским) финансовых возможностей редко мог позволить себе собирать масштабные журфуксы. Тем не менее, и его дом был часто полон друзей. Этот факт подтверждают воспоминания Н.П. Корелиной: «По вечерам у Кареевых собиралось много друзей и знакомых (Гревс, Вейнберг и др.)»³⁰. Раз в месяц в квартире П.Г. Виноградова в Москве собирались его ближайшие коллеги: Ключевский, Милуков, Виппер, Петрушевский, Кизеветтер, Богословский и

²⁴ Лучицкая. 2003. С. 89.

²⁵ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 50. Л. 2.

²⁶ Кареев. 1990. С. 129.

²⁷ Там же. С. 142.

²⁸ Е.К. Черты из жизни Максима Максимовича по семейным и личным воспоминаниям // М.М. Ковалевский. Ученый... 1917. С. 23.

²⁹ Там же. С. 24.

³⁰ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 4. Ед. хр. 3. Л. 4.

др. В тесном кругу читались рефераты, «разбирались новинки научно-исторической литературы», после чаепития обсуждались доклады³¹. В гостеприимном доме И.В. Лучицкого в Киеве не было дня, «чтобы кто-нибудь не навещался, а прием всегда был естественный и сердечный», частыми были музыкальные журфиксы³².

Самым ярким явлением в коммуникации историков были *личные беседы ученых в процессе неформального непосредственного дружеского общения*. На совместных прогулках историки говорили по вопросам науки, литературы и общественности. Н.П. Корелина приводила в воспоминаниях эпизод, касающийся одной из прогулок историков в Химках в 1877 г.: «У Николая Ивановича [Кареева] с Михаилом Сергеевичем [Корелиным] происходили бесконечные горячие споры о категорическом императиве... гуляли и беседовали, кто более счастлив: эгоисты или альтруисты». Манеру беседы Кареева автор воспоминаний характеризовала как спокойную и уверенную³³. Одной из составляющих неформального общения историков было *обсуждение научных трудов* друг друга. Корелина упоминала в мемуарах, что однажды Кареев читал ей новый труд: «Н.И. читал мне свою новую брошюру «История социологии в России»³⁴. То же было характерно и для М.М. Ковалевского. В письме к А.И. Чупрову он просил друга дать критический отзыв на работу: «Ответь правду и составь веское суждение о книге “Экономический строй России”»³⁵.

Научные интересы историков чаще всего определяли *круг их общения*, но нередко наблюдалась и обратная ситуация. Н.И. Кареев писал, что новые знакомые, «составившие сплоченную компанию, были юристы или экономисты», что соответствовало его интересу к социальной истории французского крестьянства³⁶. Под влиянием И.В. Лучицкого, старейшего по возрасту из представителей «русской исторической школы», М.М. Ковалевский начал заниматься изучением французских административных учреждений, а санскритологу В.С. Миллеру он был «обязан указаниями, позволившими расширить круг чтений по вопросам первобытной культуры»³⁷. Ковалевский писал, что в общении с историками литературы он проводил времени больше, чем среди коллег³⁸.

³¹ Кизеветтер. 1926. С. 71.

³² Лучицкая. 2003. С. 148.

³³ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 4. Ед. хр. 3. Л. 3.

³⁴ Там же. Л. 5.

³⁵ Письма М.М. Ковалевского к А.И. Чупрову. 2005. С. 493.

³⁶ Кареев. 1990. С. 142.

³⁷ Ковалевский. 2005. С. 204.

³⁸ Там же. С. 213.

Частью коммуникативной культуры историков был *взаимный обмен научными произведениями*, который нередко способствовал *международному научному сотрудничеству*. Благодаря пересылке М.М. Ковалевским экземпляра магистерской диссертации Н.И. Кареева К. Марксу произошло заочное знакомство немецкого философа с творчеством русского историка. Маркс ответил Карееву в письме «весьма сочувственным отзывом»³⁹. В письме к В.Ф. Миллеру из Нью-Йорка от 5 июня 1881 г. можно увидеть роль Ковалевского *в международном взаимодействии ученых*: «В Вашингтоне познакомился с директором Этнографического музея. Он высказал желание установить обмен изданий с Антропологическим обществом в Москве. Я дал ему Ваш адрес [Миллера]»⁴⁰. В письме Ковалевского к Миллеру от 3 мая 1893 г. можно увидеть другой подобный пример: «Не откажи выслать в Софию в Высшую школу два экземпляра обоих вопросников, изданных нашим этнографическим обществом»⁴¹. Сохранилось письмо Кареева к Ковалевскому за 1886 г., в котором первый благодарил второго за «присылку «Современного обычая и древнего закона» и выражал надежду на скорый выход следующей книги автора. Кареев же обещал выслать книги, готовящиеся к выпуску: «Литературную эволюцию на Западе» и «Реформацию и католическую реакцию в Польше» («своевременно Вы получите обе»)»⁴².

Регулярные поездки за рубеж были важнейшим способом профессиональной коммуникации историков с выдающимися учеными Европы. После переезда в Петербург Н.И. Кареев, начиная с 1889 г., совершал периодические поездки за рубеж. Заграничным контактам историк посвятил целую главу в воспоминаниях⁴³. Отметим его встречи с такими учеными, как чех Т. Масарик, болгарин И. Шишманов, немец К. Лампрехт, швейцарец А. Штерн. Особенно близок Кареев был с такими французскими историками, как А. Олар, А. Берр, А. Рамбо, А. Матъез, Ш. Сеньобос, Г. Тард. М.М. Ковалевскому жизнь в эмиграции открыла богатые возможности для общения с учеными и общественными деятелями Запада – Г. Мэном, К. Марксом, Г. Спенсером, Ф. Куланжем, Ф. Гаррисоном, Э. Тэйлором, Э. Фриманом, М. Мюллером, русскими эмигрантами, жившими в Европе. Из автобиографии Ковалевского известно о его широких научных связях за рубежом. В Англии он сотрудничал в «Археологическом обозрении», читал рефераты на съезде Бри-

³⁹ Там же. С. 140.

⁴⁰ Там же. С. 180.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1. Ед. хр. 221. Л. 12.

⁴² Архив РАН СПб. Ф. 103. Оп. 2. Д. 107. Л. 1.

⁴³ Кареев. 1990. С. 210-221.

танской ассоциации наук в Оксфорде, выступал на конгрессе религий в Оксфорде⁴⁴, во Франции принимал участие в Конгрессах сравнительной истории права в Париже и съездах Международного института социологии. Ковалевский стремился помочь иностранным коллегам в случае затруднений. Если историк сам не мог оказать помощь, то обращался с просьбой к друзьям. В письме от 1 июля 1890 г. он просил В.Ф. Миллера помочь английскому профессору, приехавшему в Россию в командировку: «Просьба снабдить английского профессора всеми нужными рекомендациями и познакомить с русскими славистами и историками»⁴⁵.

Освещая коммуникацию историков с коллегами как центральное звено культуры историка, следует выделить особую роль источников личного происхождения (прежде всего писем). М.С. Корелин в письме к Н.И. Карееву от 17 января 1879 г. очень точно выразил роль писем в коммуникации историков: «Постараюсь быть аккуратным и доставлять Вам, Николай Иванович, не только определенные сведения, но и делиться впечатлениями, мыслями, чувствами»⁴⁶. Можно сказать, что письмо для историков имело тройную функцию: информационную, интеллектуальную и эмоциональную. Рассматривая более подробно особенности опосредованного (эпистолярного) общения историков как формального (служебного), так и неформального (дружеского) характера, проанализируем переписку Н.И. Кареева и М.С. Корелина.

Упомянувшиеся выше в воспоминаниях Н.П. Корелиной споры на философские темы между учеными продолжались в письмах, которые «представляли собой целые тетрадки»⁴⁷. Некоторые из этих писем носят информационный характер. В одном из писем от 8 мая 1876 г. Корелин сообщал Карееву о том, какие лекционные курсы В.И. Герье предоставил на выбор для Кареева, и выражал готовность слушать его курс⁴⁸. Корелин рассказывал другу о занятиях иностранными языками («немецкий язык идет довольно споро»⁴⁹), «амбициозных» научных планах («зубрю, собираюсь двигать науку!»⁵⁰), выполнении поручений друга («Ваша брошюра получена и передана по назначению»⁵¹). В письме от 9 февраля 1878 г. к Карееву в Париж Корелин делился последними новостями:

⁴⁴ Архив РАН СПб. Ф. 103. Оп. 3. Д. 1. Л. 7.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1. Ед. хр. 221. Л. 8.

⁴⁶ Архив РАН СПб. Ф. 103. Оп. 3. Д. 1. Л. 48.

⁴⁷ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 4. Ед. хр. 3. Л. 2.

⁴⁸ Архив РАН СПб. Ф. 980. Оп. 1. Д. 79. Л. 1.

⁴⁹ Там же. Л. 4.

⁵⁰ Там же. Л. 24.

⁵¹ Там же. Л. 64.

«Историческая библиотека еще не появилась... В Москве упорно носят слухи, что на средства Ковалевского будет издаваться журнал»⁵² [вероятно, речь шла о журнале «Критическое обозрение»]. В письмах историков часто обсуждались публикации в журнале «Отечественных записки»⁵³. Значительная часть рассмотренных писем историков была посвящена полемике по философским проблемам. Поднимались вопросы о счастье и удовольствии, необходимости уяснения мирозерцания и «в особенности нравственных взглядов», совести и идее долга, природе эмоций и симпатий, альтруизме и идее справедливости⁵⁴. Интересны риторические обороты, используемые друзьями-историками в *эпистолярной полемике*: «постараюсь, насколько возможно, отстоять от ваших нападок», «позвольте с Вами потолковать вот о чем», «два пункта, в которых я теперь никак не могу согласиться»⁵⁵.

Иной была переписка Н.И. Кареева с другим историком, профессором Санкт-Петербургского университета С.Ф. Платоновым. Письма Кареева к Платонову⁵⁶ носили в большей степени *служебный характер*. В письме от 17 сентября 1888 г. Кареев поздравлял Платонова с юбилеем, посылал вырезку из «Русских ведомостей» с заметкой о диспуте, информировал о переносе лекций на женских курсах и возникшем в связи с этим «пересечением» их лекционных часов⁵⁷. Этой же теме – «путанице» с распределением лекций – посвящено и письмо от 19 сентября 1888 г.⁵⁸ Два письма, датированные ноябрем 1889 г., были связаны с обсуждением историками проблем Исторического общества в Петербурге⁵⁹. Кареев обращался с просьбой к Платонову: «Историческое общество утверждается министром. Не будет ли вы столь любезны приехать ко мне на предварительное совещание»⁶⁰. В письме от 21 ноября 1891 г. Кареев информировал коллегу о приглашении Платонова на лекции в пользу голодающих⁶¹. Внешне (по объему и содержанию) письма Кареева к Платонову напоминали больше телеграммы (особенно, если сравнить их с перепиской Н.И. Кареева с М.С. Корелиным).

⁵² Там же. Л. 42.

⁵³ Там же. Л. 13.

⁵⁴ Там же. Л. 6; Л. 8; Л. 12; Л. 13; Л. 14.

⁵⁵ Там же. Л. 6, Л. 8, Л. 12.

⁵⁶ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3083.

⁵⁷ Там же. Л. 1.

⁵⁸ Там же. Л. 3.

⁵⁹ Там же. Л. 5-8.

⁶⁰ Там же. Л. 8.

⁶¹ Там же. Л. 10, Л. 12.

Рассмотрим некоторые письма М.М. Ковалевского к его ближайшим друзьям – В.Ф. Миллеру⁶² и А.И. Чупрову⁶³. В.Ф. Миллер, выдающийся иранист и кавказовед, возглавлявший Лазаревский институт восточных языков, серьезно повлиял на формирование Ковалевского как ученого-этнографа⁶⁴. А.И. Чупров, старший коллега, экономист, был частым гостем московских журфиксов Ковалевского. В письмах к Миллеру из-за рубежа за 1880-81 гг. Ковалевский останавливался на планах по публикации научных работ, активно обсуждал судьбу журнала «Критическое обозрение», делился впечатлениями от исследовательской работы и заграничной жизни, интересовался новостями⁶⁵. В письме за октябрь 1898 г. он писал Миллеру: «Не поленись уведомить, что творится в Москве и в Вашем Этнографическом обществе»⁶⁶. Часто в письмах Ковалевского звучали просьбы о высылке книг или денег⁶⁷. В одном из писем он просил прислать «последние тома этнографического сборника»⁶⁸.

Обсуждение финансовых и издательских проблем – одна из основных тем в письмах Ковалевского к Миллеру. Нередко историк сетовал на непорядочность коллег: «А долги по «Критическому обозрению» мешало бы заплатить всем, в том числе Боборыкину и Иванюкову»⁶⁹.

Ковалевский и Миллер были не просто коллегами, а близкими друзьями. О дружеском характере их отношений свидетельствовали *юмористические реплики-обращения* Ковалевского. В письме за 1881 г. он называл себя «Ванька-дурачок», а Миллера, упрекая за то, что тот редко писал, «свинтусом»: «Вы большой свинтус, если забыли Вашего друга Ковалевского»⁷⁰. В другом письме Ковалевский характеризовал Миллера как «настоящего друга и верного обещаниям немца»⁷¹. В письмах Ковалевского можно найти просьбы к Миллеру о помощи друзьям в устройстве на работу, продвижении по службе, сдаче экзаменов, знакомстве с «нужными» людьми. Историк не стеснялся использовать положение и связи для помощи окружающим. В письме от 27 января 1907 г. он просил Миллера допустить сына профессора Л. Владимировича к

⁶² РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1. Ед. хр. 221; Письма М.М. Ковалевского к В.Ф. Миллеру. 1979. С. 177-192.

⁶³ Письма М.М. Ковалевского к А.И. Чупрову. 2005. С. 485-531.

⁶⁴ См.: *Калоев*. 1979. С. 18-23.

⁶⁵ Письма М.М. Ковалевского к В.Ф. Миллеру. 1979. С. 177-181.

⁶⁶ Там же. С. 188.

⁶⁷ Там же. С. 178-183.

⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1. Ед.хр. 221. Л. 22.

⁶⁹ Письма М.М. Ковалевского к В.Ф. Миллеру. 1979. С. 179.

⁷⁰ Там же. С. 181.

⁷¹ Там же. С. 186.

повторному экзамену на аттестат зрелости: «Владимиров был моим профессором и оказал влияние на мое развитие, и я сохранил к нему благодарные чувства»⁷². В других письмах он просил познакомить сына ректора из Чикаго с Н.И. Стороженко, а лечившего его в Карлсбаде доктора Плетнева устроить врачом в Лазаревский институт⁷³.

Коснемся переписки М.М. Ковалевского с А.И. Чупровым. В отличие от писем к Миллеру, Ковалевский здесь более сдержан, а иногда и несколько официален, хотя эмоциональный компонент присутствовал и в этой переписке. Возможно, это обстоятельство объяснялось разницей в возрасте между учеными (Чупров был старше Ковалевского на 9 лет). В письмах к Чупрову Ковалевский касался преподавательской деятельности за границей, рассказывал об участии в научной жизни Брюсселя, Парижа, Оксфорда⁷⁴, большое внимание уделял Русской Высшей Школе общественных наук в Париже⁷⁵, иногда касался политических воззрений. В письме за 1907 г., он, декларируя свои либеральные ценности, сетовал на «тягостное чувство, что дело свободы в России погибло»⁷⁶. Ковалевский часто обращался к коллеге с просьбами («о раздаче экземпляров приятелям вышедшей книги») или спрашивал консультации: «Не можешь ли указать новинки по истории и устройству общины»⁷⁷.

Анализ эпистолярных источников позволяет выделить такие существенные элементы письма историка конца XIX – начала XX в., как научная полемика по дискуссионным вопросам, обмен последними новостями научного мира, обсуждение организационных и финансовых проблем издания специализированных журналов, функционирования научных обществ, планов публикации научных работ. *Аксиологический компонент* писем представлен, прежде всего, эмоциональными впечатлениями историков от исследовательской работы, преподавательской деятельности, университетской жизни, заграничных командировок в Европу, а также обсуждением философских, нравственных и общественно-политических проблем, которое демонстрировало подчас скрытые политические позиции ученых. Частым явлением в эпистолярной коммуникации историков была протекция, иногда использование служебного положения для помощи друзьям: в устройстве на работу, продвижении по службе, сдаче экзаменов, знакомстве с «нужными» людьми.

⁷² РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1. Ед. хр. 221. Л. 16.

⁷³ Письма М.М. Ковалевского к В.Ф. Миллеру. 1979. С. 189.

⁷⁴ Письма М.М. Ковалевского к А.И. Чупрову. 2005. С. 485-505.

⁷⁵ Там же. С. 505-527.

⁷⁶ Там же. С. 530.

⁷⁷ Там же. С. 492, 486.

Сравнивая переписку Н.И. Кареева с М.С. Корелиным и С.Ф. Платоновым, с одной стороны, и М.М. Ковалевского с В.Ф. Миллером и А.И. Чупровым, с другой, стоит обратить внимание на различие эпистолярного стиля историков. Для Кареева в большей степени характерна (даже в обращении к другу Корелину) сдержанность, корректность и тактичность, а стилю Ковалевского присуща эмоциональная окрашенность речевых оборотов и даже некоторая вольность в лексике (в обращениях к Миллеру).

*Нередкими в профессорской среде были открытые прямые конфликты*⁷⁸. Такие конфликтные ситуации как инцидент с выборами в Историческое общество Санкт-Петербурга, конфликт 1891 г. между профессором Н.И. Кареевым и профессором А.С. Трачевским, изгнание из университета Н.И. Кареева в 1899 г. и «удаление» М.М. Ковалевского из университета в 1887 г. становились уже предметом специальных исследований⁷⁹. Однако, не претендуя на уникальность описания и трактовки, попытаемся рассмотреть эти сюжеты с *аксиологических позиций*, вводя новые «кванты» информации об этих конфликтах.

Любопытна конфликтная ситуация, возникшая во время *выборов председателя Исторического общества* Санкт-Петербурга. «Кружок молодых историков», возглавляемый С.Ф. Платоновым, провалил кандидатуру Н.И. Кареева незначительным большинством, а на пост председателя был избран историк преклонного возраста – В.Г. Васильевский. По словам А.С. Лаппо-Данилевского, Кареев «рвал и метал» в адрес Платонова, узнав о результатах голосования⁸⁰. Позже во избежание скандала Васильевский отказался от предложенного поста, а по результатам повторных выборов председателем общества стал Кареев⁸¹.

Вероятно, неприятный осадок от выборов остался в душе обоих историков. С.Ф. Платонов, формально не вступая в конфликт с Н.И. Кареевым, в частных письмах к П.Н. Милюкову энергично критиковал коллегу: «За те приемы, которыми Кареев ведет Общество, его всего скорее следует бранить или осмеивать; а ни того, ни другого я свободно делать не могу в силу личных недоразумений с “просвещенным” председателем»⁸². В то же время Платонов признавал заслуги Кареева в деле организации коммуникации историков: «За Кареевым та честь, что он энергично начал почтенное дело собирания “рассеянной хранины» пе-

⁷⁸ См., к примеру: *Беляева*. 2011.

⁷⁹ *Шаханов*. 2003; *Ростовцев*. 2000.

⁸⁰ Цит. по кн.: *Шаханов*. 2003. С. 355.

⁸¹ См.: *Шаханов*. 2003. С. 352-371.

⁸² Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову. 2002. С. 178.

тербуржских историков, и это меня обезоруживает, как и то, что Кареева у нас достаточно гонят и травят вне его Общества: он пасынок своих сослуживцев»⁸³. Строчки письма о «гонениях» и «травле» Кареева показывают не самую теплую атмосферу в историческом сообществе Петербурга на рубеже XIX–XX вв.: сложные взаимоотношения между отдельными группами историков, борьба этих группировок за влияние, наличие, выражаясь языком социальной психологии, лидеров (явных и скрытых), аутсайдеров, буферных групп, наконец, скрытые психологические проблемы в коммуникации историков.

Инцидент с выборами в Историческое общество Петербурга не был уникальным. Похожий конфликтный случай описывал в дневнике⁸⁴ М.С. Корелин, рассказывая о ситуации вокруг Исторического общества Москвы: «Историческое общество начинает распадаться. У Герье с Ключевским обсуждали устав, причем мы решили пригласить еще 14 человек. Виноградов запротестовал, усмотрев в этом обиду для своего кружка, и Герье согласился ограничить учредительство университетскими»⁸⁵. Еще один историк начала XX в. С.Б. Веселовский в своем дневнике отмечал другие конфликтные ситуации в историческом сообществе – бюрократические проволочки из-за недружелюбия к коллеге: историку А.И. Яковлеву, которому «московские профессора затягивали вопрос о присуждении ученой степени»⁸⁶.

Один из ярких казусов общения историков – конфликт 1891 г. между Н.И. Кареевым и другим профессором всеобщей истории А.С. Трачевским. Поводом к конфликту послужил слух, пущенный в студенческую среду Трачевским о том, что Кареев якобы сделал на него донос в министерство, из-за чего Трачевского удалили из университета. Согласно измышлениям Трачевского, Кареев сделал донос на некоторые места его лекции из опасения, что он будет конкурентом в университете. Клевета Трачевского грозила Карееву потерей репутации среди коллег и студентов: «Всем хорошо известно, как легко прослыть в студенческой среде хотя бы на короткое время за доносчика»⁸⁷. Склад характера не позволял историку оставить дело без внимания. По словам Н.П. Корелиной, «Н.И. терпеть не мог сплетен и осторожно порицал людей»⁸⁸. Для спасения репутации историк был вынужден прибегнуть к *третейскому суду чести*.

⁸³ Там же.

⁸⁴ О роли дневника как источника в жизни историка см.: Туркевич. 2013.

⁸⁵ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 2.

⁸⁶ Веселовский. 2000. С. 99.

⁸⁷ Кареев. 1990. С. 196–197.

⁸⁸ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 4. Ед. хр. 3. Л. 6.

Проанализируем детали конфликта, важные для понимания *этических ценностей историков*, которые были изложены в мемуарах Кареева⁸⁹ и других текстах. Третьейскому суду предшествовала переписка Кареева с одним из свидетелей, профессором В.А. Бильбасовым⁹⁰, который оставил объемную, но плохо читаемую дневниковую запись о конфликте «Два профессора» (от апреля 1891 г.)⁹¹. Другой источник – текст официального разбирательства «Дело о третейском суде по претензии Кареева Н.И. к Трачевскому А.С.», изложенный доцентом В. Спасовичем⁹².

Обратимся к письмам Кареева, позволяющим прочувствовать анатомию конфликта и его эмоциональный накал. Из его письма от 25 марта 1891 г. известно об участниках конфликта. Кареев называл г. Сенигова [И.П. Сенигов был приват-доцентом в Петербургском университете], который способствовал распространению клеветнических слухов, «ссылаясь на какие-то полуофициальные источники». Негодующий Кареев не стеснялся в выражениях, клеймя Сенигова как «наглого лжеца» и «полное ничтожество». Еще больше историка возмущало поведение Трачевского, который пытался перенести вину с себя на Сенигова: «Попытка свалить всю ответственность на одного Сенигова не принадлежит к числу поступков, способных нас примирить с г. Трачевским»⁹³. В письме от 26 марта Кареев упоминал о третейском суде, как единственно правильном окончании дела. К этому же способу решения конфликта склонялся, по словам Кареева, и Трачевский, который, желая «обелить себя», предлагал подвергнуть суду только Сенигова как «первоисточник всей прискорбной истории»⁹⁴. С этим категорически был не согласен Кареев, который объявлял Трачевского главным источником слухов. В письме от 28 марта 1891 г он рассказал о попытке Трачевского добиться от Кареева письменного извинения: «Слышал, что г. Трачевский у меня требует письменного извинения за дурное обвинение его – г. Трачевского в грязном распространении клеветы». Историк был безмерно возмущен наглостью коллеги: «Я оклеветан и ...ждал извинений, и теперь требуют извинений от меня. Я не знаю, куда дальше мир будет идти по этому пути»⁹⁵. В письме от 29 марта 1891 г. Кареев после личной беседы с Сениговым, в которой тот «торжественно настаивал, что никому откликов

⁸⁹ Кареев. 1990. С. 197-199.

⁹⁰ ОР РНБ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 516.

⁹¹ Там же. Д. 33.

⁹² ОР РГБ. Ф. 119. К. 19. Ед. хр. 50.

⁹³ ОР РНБ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 516. Л. 2.

⁹⁴ Там же. Л. 3.

⁹⁵ Там же. Л. 4.

о лекции г. Трачевского не передавал», сообщал о желании видеть последнего на третейском суде в качестве свидетеля⁹⁶. В письме от 30 марта Кареев констатировал, что «извинениями г. Сенигова вполне удовлетворен», и детализировал причину, названную Сениговым в качестве оправдания в распространении слухов: «По его словам, или он мог оговориться, или вы [подразумевался адресат письма, В.А. Бильбасов, которому Сенигов, в числе других, сообщил клевету – Ю.Н.] ослышаться»⁹⁷. В последнем письме (от 4 апреля 1891 г.) Кареев четко называл два вопроса, по которым он требовал рассмотрения на третейском суде: «1) о несостоятельных и оскорбительных для меня слухах, имеющих источник в подсказах г. Трачевского, о причинах его удаления из Петербургского университета; 2) попросить его извиниться передо мною, после того, как несправедливость его обвинений была обнаружена». Здесь же назывались арбитры третейского суда: К.К. Арсеньев – со стороны Кареева, В.Д. Спасович – со стороны Трачевского. Кареев просил Бильбасова принять участие в разбирательстве в качестве свидетеля: «К Вам я обращаюсь с покорнейшей просьбой позволить мне указать на Вас как на одного из свидетелей»⁹⁸.

Коснемся непосредственно заключения третейского суда, в числе арбитров которого общим посредником был В.С. Соловьев [философ, сын С.М. Соловьева]. Претензия Кареева заключалась в том, что «Трачевский распускал слухи неосновательные и оскорбительные о нем, состоящие в связи с запрещением Трачевскому читать лекции в университете, и не сделал все от него зависящее, чтобы очиститься перед Н.И. Кареевым после того, как о неосновательности этих слухов Трачевский был поставлен в известность». Свидетелями по делу выступили профессор В.И. Семевский и В.А. Бильбасов, а также приват-доцент И.П. Сенигов. Суть конфликтной ситуации сводилась к тому, что «в последних числах февраля В.А. Бильбасов по недоразумению подготовил со слов неподтвержденной ссылки доцента Сенигова слух и передал Трачевскому с указанием источника, что профессор Н.И. Кареев порицал энергически содержание его вступительной лекции 11 февраля 1891 г., тотчас по окончании в профессорской комнате»⁹⁹.

В ходе расследования выяснилось, что «запрещение Трачевскому читать лекции было следствием не только недружелюбного отношения

⁹⁶ Там же. Л. 5.

⁹⁷ Там же. Л. 6.

⁹⁸ Там же. Л. 7.

⁹⁹ ОР РГБ. Ф. 119. К. 19. Ед. хр. 50. Л. 1.

ректора, но и других профессоров, выразившееся в сообщениях министру Народного Просвещения»¹⁰⁰. Однако Кареев к таковым не относился, и «прежние впечатления, выносимые Трачевским из знакомства с Кареевым и из происходивших между ними разногласий... отнюдь не давали Трачевскому основания заподозрить Кареева в неблагоприятном поступке». Далее Спасович приводил в деле категорическое заявление Кареева по отношению к Трачевскому в Педагогическом музее при свидетеле Семевском, согласно которому: «А) Кареев не говорил с Министром народного просвещения о Трачевском; Б) не заходил в профессорскую комнату после лекции». Вердикт третейского суда содержал следующее решение: «Трачевский, предубедившись против Кареева по сообщенному сведению о неблагоприятном поступке, не сделал ничего, чтобы проверить... достоверность распространявшихся о Карееве оскорбительных слухов и после того, как Кареев категорически заявил, что слухи ложны, не сделал ничего, чтобы эти слухи опровергнуть»¹⁰¹.

Итак, посредством третейского суда Н.И. Кареев восстановил репутацию, очистившись от клеветнического навета завистливого и мнительного коллеги. Имеет смысл напомнить, что еще в 1884 г. Кареев и Трачевский были конкурентами на вакантное место по кафедре всеобщей истории после смерти профессора Бауэра. Трачевский, как известно, был вынужден вернуться в Одессу, а Кареев остался в Петербурге. Возможно, в этом обстоятельстве крылась причина тех сплетен, которые распускал Трачевский в отношении коллеги, когда уже в 1891 г. ему вторично было отказано в профессорстве в Петербурге. Отношение к Трачевскому Кареев резюмировал короткой репликой: «По моему мнению, Трачевский был просто психопат»¹⁰². Похожую характеристику давал в письме к В.Ф. Миллеру и М.М. Ковалевский, рассказывая о поведении А.С. Трачевского на переговорах по изданию журнала: «При всей глуповатости Трачевский не без хитрости, так что о нем можно сказать, «хитрый дурак»... он долго путал, плел неистовую белиберду, плакался, ломался, и вылутился в конце концов в редакторы»¹⁰³. Отметим, что для очищения от навета Трачевского Кареев созвал лекцию с максимальным числом студентов, среди которых распространялся клеветнический слух, и зачитал решение третейского суда¹⁰⁴.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. Л. 2-3.

¹⁰² Кареев. 1990. С. 199.

¹⁰³ Письма М.М. Ковалевского к В.Ф. Миллеру. 1979. С. 177.

¹⁰⁴ Кареев. 1990. С. 198.

Рассмотренные конфликтные ситуации свидетельствовали о напряженной обстановке в коммуникативном пространстве исторического сообщества России на рубеже XIX–XX вв. Сложные взаимоотношения между отдельными группами историков приводили к тому, что декларируемые ценности уважения, взаимопомощи и товарищества очень часто не находили реального воплощения в жизни научно-педагогического сообщества, натываясь на элементарную зависть и личную неприязнь коллег. Научное соперничество и конкуренция по службе порой переходили в открытое противостояние и конфликтную ситуацию, решаемую при помощи третейского суда чести.

Нельзя не коснуться такого пласта коммуникативной культуры историка как *взаимоотношения со студентами*, хотя этот сегмент требует отдельного исследования. Н.И. Кареев отмечал, что «в университетские годовщины был в числе немногих, регулярно приглашавшихся на студенческие чаепития»¹⁰⁵. Участие преподавателей в студенческих «чаепитиях» не всегда адекватно воспринималось руководством, а часто вызывало прямое порицание. Ситуация осложнялась тем, что на таких вечеринках часто находились доносчики, и вольная речь профессора или неосторожно сказанное слово могли создать преподавателю проблемы. В фонде Министерства просвещения сохранилась переписка, касающаяся подобного случая, который произошел с Кареевым и его коллегой¹⁰⁶. Речь шла о вечеринке студентов и профессоров 8 февраля 1894 г. в кухмистерской Петрова. Профессора Кареев и Гревс «отличились» выступлением, «призывавшим восстановить запрещенное правительством в 1887 г. студенческое научно-литературное общество»¹⁰⁷. Оба историка были вынуждены давать письменное объяснение в апреле 1894 г.¹⁰⁸ В личном фонде И.Д. Делянова хранился документ, свидетельствующий о выступлении Кареева на аналогичную тему на студенческой сходке¹⁰⁹.

Отзывчивый и добросердечный Кареев стремился помочь студенчеству. Н.П. Корелина, которая имела возможность наблюдать отношение Кареева к молодежи, вспоминала, что студенты «приходили к нему во всякое время по своим личным и общественным делам». Она отмечала альтруизм Кареева в общении с молодежью: «Как бы Н.И. не был утомлен, он внимательно выслушивал всех, толковал с ними, разъяснял им их сомнения, помогая словом и делом – любил общение с молоде-

¹⁰⁵ Там же. С. 194.

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 957.

¹⁰⁷ Там же. Л. 93-94.

¹⁰⁸ Там же. Л. 171-174.

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 179.

жью». Корелина подчеркивала радушие Кареева и его жены: «Никогда не было отказа и всегда со стороны Н.И. и С.А. было радужное и сердечное отношение»¹¹⁰. И.В. Лучицкий в Киеве, по воспоминаниям его дочери, вел аналогичный альтруистический образ жизни: «За работой, за помощью в поисках занятия, в поступлении в университет обращались к И.В., который тотчас же писал рекомендации и устраивал людей»¹¹¹.

Рассмотрим и такой сегмент коммуникативной культуры как *взаимодействие профессуры с университетской администрацией и Министерством просвещения*. Ключевыми для данного вопроса являются источники, связанные с увольнением историков из университета¹¹². Прежде всего, остановимся на восприятии историками университетской администрации, которое носило иногда крайне категоричный характер. М.М. Ковалевский по этому поводу высказывался резко: «Административные способности мы, точно сговорившись, признавали за людьми или никогда не занимавшимися наукой, или переставшими ею заниматься»¹¹³. Согласиться с Ковалевским трудно. С.М. Соловьев, занимавший пост ректора Московского университета, совмещал талант ученого и администратора. В то же время Ковалевский отмечал, что большинство руководителей «проникнуто любовью к знанию, к свободе научной мысли и общественной деятельности»¹¹⁴. Можно сказать, что, с одной стороны, существовал стереотип восприятия университетской администрации как чиновников, а, с другой стороны, было понимание стремления руководства к положительным сдвигам.

Коснемся характеристик, которые давал Н.И. Кареев тогдашним «менеджерам от науки», университетским и министерским руководителям. Среди виновников лишения его должности профессора осенью 1899 г. историк указывал на двух лиц: министра народного просвещения Н.П. Боголепова и товарища министра Н.А. Зверева. Кареев нарисовал яркий образ Боголепова, отмечая его педантизм и причастность к изгнанию из университета ряда профессоров. Историк характеризовал Боголепова как типичного бюрократа. В его «безжизненной, бездушной, деревянной» фигуре Кареев видел одно положительное качество – чувство долга. Его заместителя Зверева историк обрисовывал как «невзрачного и вертлявого» человека¹¹⁵. Царившие в министерстве порядки Ка-

¹¹⁰ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 4. Ед. хр. 3. Л. 4.

¹¹¹ Лучицкая. 2003. С. 143.

¹¹² См.: Костина. 2011. С. 166-197.

¹¹³ Ковалевский. 2005. С. 232.

¹¹⁴ Там же. С. 207.

¹¹⁵ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 92. Там же. Л. 1-4.

реев характеризовал как иерархически-бюрократические. Историк, остроумно обыгрывая фамилии министра и его помощника, в поэтической форме резюмировал положение дел в Министерстве народного просвещения: «Вселилось в Министерство. В довольно, равной мере. Божественность и зверство. В нелепом богозвере».

Кроме того, Кареев делал парадоксальное наблюдение об администрации: «Учебное начальство из профессорской среды было наиболее плохим». Историк приводил пример коллеги Н.Я. Сониной, который устранил Кареева с Высших женских курсов. Напротив, И.Д. Делянов характеризовался Кареевым как человек «доступный, простой, хоть и хитрый»¹¹⁶. В противоположность реакционности бюрократов из профессоров в учебном начальстве (Боголепова, Зверева, Владиславлева, Шварца) Кареев выделил положительные образы военных, занимавших посты в Министерстве просвещения: министра Ванновского; попечителя Александровского лицея Капустина, которые, несмотря на «неблагонадежность» Кареева, оставили историка в лицее¹¹⁷.

Характеристики руководства университета и министерских чиновников, данные Н.И. Кареевым и М.М. Ковалевским, носили крайне скептический, а подчас и резко негативный характер. Данное обстоятельство было связано не только с их либеральными воззрениями, но и изгнанием из университета в 1899 г. и 1887 г., соответственно.

Рассмотрим более подробно обстоятельства изгнания Н.И. Кареева из университета. Как известно, в 1899 г. Кареев и его товарищ по факультету приват-доцент Гревс были уволены из Петербургского университета вследствие преподавания «в противоправительственном духе»¹¹⁸. Возвращению преподавателей не помогло личное ходатайство декана историко-филологического факультета П.В. Никитина «о желательности возвращения проф. Н.И. Карееву и приват-доценту И.М. Гревсу права преподавания в университете» от 16 сентября 1899 г.¹¹⁹ Подробная информация содержится в воспоминаниях Кареева «Мое изгнание из профессоров Петербургского университета в 1899 г.»¹²⁰.

Согласно официальной версии, изгнание Кареева было связано с его бездействием в отношении бунтующих студентов: «Не приняты надлежащие меры строгости и внушения к студентам»¹²¹. Удаление Ка-

¹¹⁶ Там же. Л. 5-6.

¹¹⁷ Кареев. 1990. С. 209.

¹¹⁸ ЦГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 8732. Л. 1.

¹¹⁹ Там же. Ф. 36. Оп. 1. Д. 61. Л. 157-158.

¹²⁰ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 92.

¹²¹ Там же. Л. 13.

реева из университета находилось в связи с беспорядками 8 февраля 1899 г.¹²², когда произошло избиение студентов казаками. При всем сочувствии к студенчеству Кареев к февральским событиям 1899 года не имел отношения, так как находился на больничном («чувствовал нездоровым»)¹²³. Историк вообще «остерегался говорить со студентами, дабы не будоражить их»¹²⁴. Среди реальных причин изгнания из университета Кареев называл непочтительные слова о министре, произнесенные им на ученом совете, а также невольный конфликт с ректором Сергеевичем, вызванный публичной поддержкой со стороны Кареева предложения профессора В.И. Ламанского об отставке ректора, спровоцировавшего студенческие беспорядки. До этого конфликта Кареев находился с Сергеевичем в прекрасных отношениях: «Вместе работали в комитете Литературного фонда, участвовали в либеральные обедах Донона»¹²⁵.

Отметим, что во время увольнения Кареев вел себя с большим достоинством. Он твердо решил, несмотря на угрозу потери пенсии, не подавать самому прошения об отставке, так как против него не было выдвинуто определенных обвинений¹²⁶. Суд *совести*, к которому Кареев взывал в письме за февраль 1900 г. министра Боголепова, так и не состоялся¹²⁷. Изгнание Кареева продлилось 7 лет (1899–1906 гг.), которые были «тяжкими годами в академической жизни, когда профессора университета были между двух огней – со стороны властей и со стороны студентов»¹²⁸. В 1901 г. Кареев был лишен возможности работать в Союзе взаимопомощи русских писателей, так как его выступления были «противоправительственными»¹²⁹.

Согласно приказу министра от 31 июня 1887 г. «с должности ординарного профессора» был уволен М.М. Ковалевский¹³⁰. Его удаление с факультета было одним из серии увольнений либеральных профессоров, прокатившихся по Московскому университету в 1880-е гг. Ранее (в 1884 г.) были уволены из университета товарищи Ковалевского: профессора С.А. Муромцев (приказ за июль 1884 г.) и Н.А. Стороженко (приказ за октябрь 1884 г.)¹³¹. Уволен Ковалевский был из-за «отрицательного от-

¹²² Там же. Л. 6-7.

¹²³ Кареев. 1990. С. 203.

¹²⁴ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 92. Л. 10.

¹²⁵ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 92. Л. 8-11.

¹²⁶ Там же. Л. 20-21.

¹²⁷ Там же. Л. 18.

¹²⁸ Там же. Л. 26.

¹²⁹ Там же. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 701. Л. 1.

¹³⁰ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2170. Л. 14.

¹³¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 215. Д. 225, Д. 254.

ношения к русскому государственному строю, которое вытекало из неуместного сравнения с английскими порядками»¹³². По воспоминаниям современников, в Министерстве народного просвещения к Ковалевскому относились с подозрением. Его предмет – западноевропейские конституции, в преподавании которого Ковалевский демонстрировал «свободное слово и критическое отношение к тогдашней правительственной политике», делал историка в глазах министра Делянова «опасным человеком». Устранение Ковалевского прошло «в грубой и бесцеремонной форме и вызвало волнение среди студентов»¹³³. Вначале его предмет исключили из обязательных дисциплин, а затем начались доносы на «конституционные идеи», проповедуемые им с кафедры.

Один из доносов на имя Делянова гласил: «Мне сделалось положительно известно, что при сравнении государственного права России с государственным правом западноевропейских держав проф. Ковалевский относился к русскому государственному строю с величайшим попицанием»¹³⁴. В результате доносов университет лишился талантливого профессора. Зато министр народного просвещения Делянов остался доволен. На увольнение Ковалевского он отозвался резолюцией: «Лучше иметь на кафедре преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого человека, который действует на умы молодежи растлевающим образом»¹³⁵. В отличие от Н.И. Кареева, которого в 1899 г. декан факультета П.В. Никитин поддержал в борьбе за профессорское место, М.М. Ковалевский, наоборот, был всячески гоним факультетским начальством в лице декана юридического факультета А.Н. Стоянова. Несколько месяцев спустя, произошла случайная встреча Ковалевского со Стояновым в Харькове, обстоятельства которой имели комичный, с точки зрения Ковалевского, характер. Свидание со Стояновым он описал в письме к В.Ф. Миллеру. Стоянов лицемерно «распинался» о том, что факультет чувствует его утрату, на что Ковалевский парировал: «Утраты, которой вы прямой виновник». Затем Ковалевский тонко намекнул на то, что теперь его предмет будет читать сам Стоянов, чем вызвал смятение чувств последнего и спешное удаление из дома¹³⁶.

Ковалевский уехал за границу, потому что не мог читать свой предмет ни в одном высшем учебном заведении России. П.Д. Боборыкин вспоминал, что Ковалевский «не переставал быть легальным рус-

¹³² Цит. по кн.: *Ковалевский*. 1909. С. 27.

¹³³ М.М. Ковалевский. *Ученый...* 1917. С. 27, 29.

¹³⁴ Цит. по кн.: *Калоев*. 1979. С. 24.

¹³⁵ *Сватиков*. 1917. С. 42.

¹³⁶ Письма М.М. Ковалевского к В.Ф. Миллеру. 1979. С. 183-184.

ским обывателем, который по доброй воле предпочел жить за границей в прекрасном климате и работать на полной свободе»¹³⁷. Вторил ему А. Белый: «Кафедра прахом рассыпалась, а сам Ковалевский, вполне невредимый, сошел с нее каменным командором и уехал за границу – читать лекции в Англии, в Швеции, в самом Париже, наезжая в Москву из Европы, – стал европейцем»¹³⁸.

Оригинально изобразила обстоятельства эмиграции Ковалевского его однофамилица С.В. Ковалевская. Ковалевский был зафиксирован в завуалированном метафорическом образе Михаила Михайловича Званцева. Вот, как описывался отъезд Званцева-Ковалевского после отставки: «К большому негодованию многих друзей, требовавших от него протеста и активного отпора, он купил себе виллу в окрестностях Ниццы и занялся писанием исторического сочинения “История регресса”»¹³⁹. Как видно из отрывка, Ковалевский не стремился сопротивляться административной системе, которая лишила его права преподавания в России. Возможно, он понимал, что сопротивление будет малоэффективным. В схожей, но несколько иной ситуации находился П.Г. Виноградов. В письме к В.И. Герье он сообщал о мотивах своего отъезда из России в Оксфорд: «Юридический факультет Оксфордского университета избрал меня на кафедру сравнительной истории права... пропадает разумная надежда на упорядочение положения в университете, которое сделало бы возможным вернуться в Москву»¹⁴⁰.

Как видно из проведенного анализа, стиль поведения историков в ситуации конфликта с администрацией был абсолютно разным, во многом он обусловлен индивидуально-психологическими особенностями ученых (темпераментом, характером и т.п.). Если М.М. Ковалевский в 1887 г. не стремился сопротивляться административной системе и ушел от открытой борьбы за право преподавания в России, то для Н.И. Кареева была характерна иная позиция, более волевая и принципиальная. Кареев демонстрировал открытый протест, стремился, хотя и безуспешно, дать активный отпор несправедливому решению власти. Отдельно стоит выделить рациональный стиль поведения П.Г. Виноградова в ситуации ухода из университета в эпоху реакции в России. Он не был изгнан из университета, подобно Карееву и Ковалевскому, а, напротив, добровольно отказался от преподавания в России в знак несогласия с официальной политикой в сфере образования. Однако, нельзя забывать, что

¹³⁷ *Боборыкин*. 1965. С. 537.

¹³⁸ *Белый*. 1930. С. 103.

¹³⁹ *Ковалевская*. 1961. С. 171.

¹⁴⁰ Из писем П.Г. Виноградова. 1962. С. 280.

Виноградов уходил на заранее известное ему, достаточно престижное, материально обеспеченное место профессора в университете Оксфорда.

Завершая анализ коммуникативной культуры историка, подчеркнем, что общение в жизни историка занимало одно из приоритетных мест в шкале экзистенциальных ценностей.

Подводя итоги, отметим, что складывание коммуникативной культуры историка было следствием профессионализации исторической науки на рубеже XIX-XX в. В сравнении с другими учеными деятельность историков всегда отличалась высоким уровнем связи с политикой и властными отношениями. Это специфическое обстоятельство влияло на культуру коммуникации историка и отличало ее от других ученых. Еще один аспект, на который хотелось бы обратить внимание, это преемственность и черты отличия в культуре коммуникации дореволюционных и советских историков. Безусловно, линия преемственности существовала. История как наука всегда выполняла в большей или меньшей мере функцию политического воспитания, выступала средством формирования определенных ценностей, прежде всего патриотизма и гражданственности. Этот факт признавали (с определенными оговорками) практически все крупные российские дореволюционные историки. Однако, были и существенные отличия. Во-первых, дореволюционным историкам в меньшей степени была присуща зависимость от идеологического диктата власти. Для советских историков, в целом, был характерен жесткий партийный контроль, касавшийся не только творчества, но и коммуникации внутри исторического сообщества. Идеологическая компонента влияла на характер взаимоотношений с коллегами. Во-вторых, взаимоотношения дореволюционных историков со студенчеством значительно отличались от контактов профессуры и студентов в советской высшей школе. На наш взгляд, в советскую эпоху отношения преподаватель-студент по большей части выстраивались по жесткой вертикали, сверху вниз. Для дореволюционных историков в целом был характерен больший демократизм в отношениях со студенчеством. Отдельными профессорами студенты воспринимались как младшие товарищи. В-третьих, отличия существовали в масштабах международной коммуникации. Международные контакты советских историков были ограничены, а очень часто они были четко очерчены идеологическими рамками дружественных и недружественных стран, приемлемых и неприемлемых, с точки зрения марксизма, научных школ и отдельных ученых. Дореволюционные историки в этом смысле были менее ограничены в своем международном общении.

Таким образом, проведенный анализ коммуникативной культуры российского историка конца XIX – начала XX в. позволяет обозначить перспективы дальнейших исследований. Так, весьма перспективным представляется направление, связанное с компаративным анализом культуры коммуникации дореволюционных и советских историков в проблемном и хронологическом поле историографии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архив Санкт-Петербургского отделения Российской Академии Наук (Архив РАН СПб). Ф. 103 (Фонд М.М. Ковалевского). Оп. 2. Д. 107 (письмо Н.И. Кареева к М.М. Ковалевскому от 4 октября 1886 г.); Ф. 980 (Фонд Н.И. Кареева). Оп. 1. Д. 79 (Письма М.С. Корелина к Н.И. Карееву (1876-1880 гг.)).
- Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 119 (Фонд Н.И. Кареева). К. 19. Ед. хр. 50 (Дело о третейском суде по претензии Кареева Н.И. к Трачевскому А.С. (18-20 апреля 1891 г.)).
- Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф.73 (Фонд В.А. Бильбасова). Оп. 1. Д. 33 (Дневниковая запись «Два профессора» В.А. Бильбасова о конфликте между профессором А.С. Трачевским и профессором Н.И. Кареевым (11 февраля – 18 апреля 1891 г.)), Оп. 1. Д. 516 (Официальные письма Н.И. Кареева В.А. Бильбасову (1891 – октябрь 1894 г.); Ф. 585 (Фонд С.Ф. Платонова). Оп. 1. Д. 3083 (9 писем Н.И. Кареева к С.Ф. Платонову (1888–1896 гг.)).
- Российский государственный архив литературы и искусства г. Москвы (РГАЛИ). Ф. 323 (Фонд В.Ф. Миллера). Оп. 1. Ед. хр. 221 (Письма М.М. Ковалевского к В.Ф. Миллеру).
- Российский государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (РГИА). Ф. 733 (Фонд Департамента народного просвещения). Оп. 150. Д. 957 (Докладная записка «О вечеринке студентов и профессоров 8 февраля 1894 г. в кухмистерской Петрова, в которой участвовал Н.И. Кареев»); Ф. 1093 (Фонд П.Е. Щеголева). Оп. 1. Д. 92 (Рукопись Н.И. Кареева «Мое изгнание из профессорства Петербургского университета в 1899 г. Воспоминания»); Ф. 1604 (Фонд И.Д. Делянова). Оп. 1. Д. 179 («Записка о речи Н.И. Кареева на студенческой сходке, где он призывал к восстановлению закрытого научно-литературного студенческого общества»).
- Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА). Ф. 36. Оп. 1. Д. 61. Л. 157-158 (Записка декана историко-филологического факультета Петербургского университета П.В. Никитина о желательности возвращения Н.И. Карееву и И.М. Гревсу права преподавания в университете» (1899 г.); Ф. 139 (Фонд «Канцелярии попечителя Петроградского учебного округа»). Оп. 1. Д. 8732 (Переписка об увольнении со службы в университете Н.И. Кареева и приват-доцента И.М. Гревса вследствие преподавания «в противоправительственном духе»).
- Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 418 (Фонд Московского университета). Оп. 215. Д. 225, Д. 254; Ф. 2202 (Фонд М.С. Корелина). Оп. 1. Д. 50 (Письма Н.И. Кареева к М.С. Корелину (1879–1895 гг.)), Оп. 3. Ед. хр. 1 (Записки М. С. Корелина «Идеи и факты. Общественное и индивидуальное» (1889–1892)), Оп. 4. Ед. хр. 3 (Рукопись Корелиной Н.П. «Моя полувековая дружба с Николаем Ивановичем Кареевым» (30 марта 1931 г.)).

- Белый А.* На рубеже двух столетий. М.-Л., 1930. 496 с.
- Боборыкин П.Д.* За полвека. Воспоминания. Т. 2. М., 1965. 598 с.
- Веселовский С.Б.* Дневники 1915–1923, 1944 гг. // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 95-138.
- Из писем П.Г. Виноградова: публикация К.А. Майковой // Средние века. Вып. 22. М., 1962. С. 267-282.
- Кареев Н.И.* Мечта и правда о русской науке // Русская мысль. 1884. № 12. С. 100-135.
- Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. 384 с.
- Ковалевская С.В.* Воспоминания и письма. М., 1961. 579 с.
- Ковалевский М.М.* Моя жизнь. М., 2005. 784 с.
- М.М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: сборник статей. Пг., 1917. 278 с.
- Лучицкая М.В.* Мемуары. М., 2003. 212 с.
- Письма М.М. Ковалевского к В.Ф. Миллеру // *Калоев Б.А.* М.М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979. С. 177-192.
- Письма М.М. Ковалевского к А.И. Чупрову // *Ковалевский М.М.* Моя жизнь. М., 2005. С. 485-531.
- Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову // История и историки. М., 2002.
- Сватиков С.Г.* Опальная профессура 1880-х годов // Голос минувшего. 1917. № 2. С. 5-78.

Литература

- Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Российская диссертационная культура XIX – начала XX вв. в восприятии современников к вопросу о национальных особенностях // Диалог со временем. 2011. № 36. С. 221-247.
- Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Диссертации историков и законодательные нормы (1860–1920-е гг.) // Российская история. 2014. № 2. С. 77-90.
- Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Историк на перепутье: научное сообщество в «смуте» 1917 года // Диалог со временем. 2008. № 25-1. С. 87-108.
- Алеврас Н.Н.* Диссертационная культура второй половины XIX – начала XX в.: речь историка на защите диссертации // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. Т. 105. № 3. С. 276-286.
- Беляева О.М.* Академическое сообщество петербургского университета в ректорство Э.Д. Гримма: конфликты в профессорской среде // Диалог со временем. 2011. № 34. С. 215-235.
- Бёрк П.* «Антропологический поворот» в гуманитарных науках: индивидуальные версии и конфигурация целого. Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005. № 75.
- Бодров О.В.* Профессор М.М. Ковалевский. У истоков изучения английской общественной и политической мысли в России. Казань, 2006. 326 с.
- Бушуева Л.А.* Профессорская корпорация Казани в эпоху перемен: межличностные коммуникации университетских людей (начало XX века) // Диалог со временем. 2011. № 36. С. 248-266.
- Гришина Н.В.* Сотворение историка: перипетии пути в науку в начале XX в. (на примере Московского университета) // Диалог со временем. 2012. № 40. С. 283-297.
- Зезегова О.И.* Традиции “*école russe*” в исследованиях советских историков // Диалог со временем. 2008. № 24. С. 248-261.
- Золотарев В.П.* Историческая концепция Н.И. Кареева: эволюция и содержание. Л., 1988. 270 с.

- Калоев Б.А.* М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979. 202 с.
- Колесник И.И.* Интеллектуальное сообщество: сетевой анализ // Диалог со временем. 2008. № 25 (1). С. 55-86.
- Корзун В.П., Рыженко В.Г.* Коммуникативное поле современной исторической науки от размышлений историографов к опытам описания // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 24-44.
- Корзун В.П.* Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 16. С. 99-109.
- Корзун В.П., Мамонтова М.А., Коновалова Н.А.* Выход за пределы личного измерения: модели и факторы динамики образа исторической науки // Вестник Омского университета. 2011. № 4. С. 339-341.
- Корзун В.П., Бернгардт Т.В.* Историческая библиография как форма трансляции интеллектуальной культуры: меняющиеся функции дисциплины в первой трети XX в. (на материале Сибири) // Диалог со временем. 2013. № 44. С. 186-205.
- Корзун В.П., Колеватов Д.М.* Образ исторической науки в первое послевоенное десятилетие: трансформация историографических координат // Диалог со временем. 2010. № 33. С. 59-85.
- Костина Т.В.* Карьера в университете, или сколько лет должно быть профессору? На материалах Казанского университета 1804–1863 годов // Диалог со временем. 2007. № 20. С. 262-269.
- Костина Т.В.* Риторика профессоров русских университетов в аргументации увольнения сочленов корпорации (первая треть XIX века) // Диалог со временем. 2011. № 36. С. 166-197.
- Кузнецов А.А., Григорьева А.А.* Историк Николай Петрович Соколов (новые данные к биографии ученого) // Диалог со временем. 2012. № 41. С. 165-180.
- Мамонтова М.А.* Коммуникативное пространство отечественной исторической науки на рубеже XIX–XX веков // Диалог со временем. 2011. № 36. С. 267-277.
- Мамонтова М.А.* Рецензии русских историков как «текст-источник» // Историческое знание и интеллектуальная культура. М., 2001. С. 75-89.
- Мамонтова М.А.* Неформальные способы коммуникации в научном сообществе историков России рубежа XIX–XX в. // Историк на пути к открытому обществу. Омск, 2002.
- Мамонтова М.А., Корзун В.П.* Провинциальная историография: различные историко-культурные образы науки // Диалог со временем. 2005. № 14. С. 372-379.
- Моисеенкова Л.С.* Патриарх российской медиевистики (жизнь и научное творчество П.Г. Виноградова). Симферополь, 2000. 194 с.
- Мохначева М.П.* Журналистика и историческая наука. М., 1999. 168 с.
- Мохначева М.П.* Межвузовские научные связи российских историков во второй половине XIX века в контексте истории научно-педагогической школы В.О. Ключевского // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. М., 2005. С. 282-297.
- Мохначева М.П.* Круг историков на "пятничных беседах" у С.А. Юрьева в Москве в 1869-1872 гг.: страницы истории научных сообществ и школ в исторической науке // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., РГГУ, 2002. С. 348-352.

- Мягков Г.П. Научное сообщество историков дореволюционной России в свете «старой» и «новой» модели историографического исследования // Диалог со временем. 2011. № 34. С. 206-214.
- Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000. 286 с.
- Мягков Г.П. Русская историческая школа. Методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988. 190 с.
- Никифоров Ю.С. Культура российского историка последней трети XIX – начала XX в. (на примере представителей «русской исторической школы»). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2010. 24 с.
- Носков Э.Г. Университет как институциональная форма бытия научного сообщества. Автореферат дис. ... канд.ист. наук. Ульяновск, 1999. 24 с.
- Погодин С.Н. Русская историческая школа: Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, И.В. Лучицкий. СПб., 1997. 280 с.
- Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. 536 с.
- Попова Т.Н. Историография в человеческом измерении // Историографические исследования в Украине. 2012. № 22. С. 265-292.
- Попова Т.Н. Метаморфозы историографии, или история с историей истории // Электронный научно-образовательный журнал История. 2013. № 2 (18). С. 16.
- Посохов С.И. Университетский город в Российской империи второй половины XVIII – первой половины XIX вв. К вопросу о роли, степени и каналах немецкого культурного влияния // Диалог со временем. 2011. № 36. С. 140-165.
- Репина Л.П. Интеллектуальная культура как предмет исследования // Диалог со временем. 2011. № 36. С. 5-8.
- Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. 288 с.
- Ростовцев Е.А. Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XI–XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3. С. 105-121.
- Серых А.А. Поколение «восьмидесятников» и поколенческая идентичность русских историков рубежа XIX–XX вв. // Диалог со временем. 2011. № 34. С. 158-171.
- Серых А.А. «Связь / разрыв» поколений в сообществе российских историков конца XIX – первой трети XX в. // Диалог со временем. 2011. № 36. С. 278-291.
- Сидорова Л.А. Межличностные коммуникации трех поколений советских историков // Российская история. 2008. № 2. С. 129-138.
- Соколов А.Б. Введение в современную историографию нового и новейшего времени стран Западной Европы и США. Ярославль, 2007. 173 с.
- Туркевич А.Л. «Вот, правда, с которой я вступаю в новую жизнь» историк в дневнике, дневник как история // Диалог со временем. 2013. № 43. С. 170-179.
- Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX в. М., 2003. 420 с.
- Никифоров Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского; Nikifor2108@yandex.ru